

К этой теме Херасков снова обратился через несколько лет в оде «Мир» («Утренний свет», 1778, ч. II, с. 74), когда, увлеченный масонскими идеями, он почувствовал, что тайна Бытия приоткрылась ему. Вселенная уже не пугает Хераскова. Ее беспредельность он определяет библейским понятием «бездна», вошедшим в русскую поэзию благодаря М. В. Ломоносову. Вглядываясь в безграничное небо, он ощущает не растерянность, как Ломоносов («Теряюсь, мыслями утомлен»),²⁹ а удивление и восторг:

Отверзлась мне завеса мира!
В восторге дух, трепещет лира...
Молчу, дивлюся и пою.
О, коль видения любезны!
Звездами полны вижу бездны,
Средь тысячи миров стою. (С. 24).

Херасков описывает величественную Вселенную в привычных земных образах: «висят горящие лампы», «как риза небо протяженно». Единым взглядом объемлет он звезды, «солнца», «огромные миры» и Землю, на которой видит луга, поля, горы, океанские волны, разные народы. Но весь этот «прекрасный» и «дивный» мир — лишь оболочка «всеобщей души», «кора одна, в которой жизнь заключена». Мир во всех его проявлениях двуедин. Он содержит в себе «и жизнь и дух». Указывая на эту духовную субстанцию, Херасков пользуется поэтической метафорой света:

Во свете вижу скрытый свет.
Един из тел совокупленный,
Другой бесплотный и нетленный
И в мире мир другой живет. (С. 25).

«Бытие другое» скрыто и в человеке, «и там сияет Божество!» Вся Вселенная «совокупленна» в его чертах. Позднее Г. Р. Державин в оде «Бог» сформулировал эту мысль от 1-го лица: «Частица целой я вселенной», «я связь миров повсюду сущих».³⁰

Если безграничность Вселенной уже не пугает Хераскова, так как человек является ее центром, средоточием, и сама природа создана к его «подпоре», то бесконечность времени страшит своей равнодушной силой: «Противу Время обороны, / ни силы, ни защиты нет». Время нельзя изобразить в земных образах и сравнениях:

Представить в мыслях не умею.
Следов, ты коими текло.
Лишь Время вобразить успею —
Оно сокрылось, прошло.

(«Время». С. 414–415).

Человек, погруженный в «пространный круг веков», подобен пловцу, направляющемуся от одного «острова» — года к другому: «Прошел кто

²⁹ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 95.

³⁰ Там же. С. 301.